

Концепция «Москва — Третий Рим» и официальная российская символика второй половины XVIII — XIX века

Название настоящей статьи, основу которой составил доклад, прочитанный на семинаре исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» в апреле 1998 г., носит условный характер. Особенно эта условность ощущается после ознакомления с только что опубликованной эксцитативной монографией Н. В. Сеницыной о Третьем Риме¹. Автор исключительно рационально и многопланово рассматривает имеющиеся в научной и публицистической литературе варианты и вариации, аспекты и прочтения средневековой доктрины монаха Псковского Елиазарова монастыря Филофея. Однако фундаментальность проделанной работы содержит и парадокс недостаточности, прежде всего в плане демонстрации реального воплощения столь значимой идеи в политике, дипломатии, государственном правосознании России. Констатируя, что концепция Третьего Рима приобретает права гражданства в науке и публицистике лишь во второй половине XIX в.² (после публикации сочинения Филофея в журнале Казанской духовной академии), автор подчеркивает, что ранее не видно «заметных следов ее бытования». Однако всплеск общественного интереса в последующие годы к идее, «развивающейся в русле православной религиозной мысли», кажется неестественным. Излишняя конкретика и поиск автором словесной формулы Третьего Рима в памятниках литературы выглядят не слишком правомерными в России Нового времени и вряд ли могут «работать» на доказательство отсутствия ее в общественном сознании полтора столетия (с XVII до середины XIX в.). Это диссонирует с общей оценкой столь эмфатической теории, которую дает ей Н. В. Сеницына: «Идея “Третьего Рима” с самого начала была открытой, побуждающей к размышлениям, обладала сильным творческим полем, воздействие которого деформировало и самую идею. Актуализация ее потенциала, раскрытие новых смыслов делались другими авторами в дру-

гие эпохи, при этом вовсе не обязательно происходило «дальнейшее развитие» первоначального содержания»³. В данном случае, однако, как раз и произошло «дальнейшее развитие», о чем автор неоднозначно повествует во введении, приводя многочисленные примеры идеи трактовки учеными, литераторами, общественными деятелями разных стран, уровней и эпох, объединенных неравнодушием к судьбе России.

Думается, что идея Третьего Рима, или — в историографической интерпретации — Москвы — Третьего Рима, поистине бессмертна для России. Ибо, несмотря на всю свою конкретику и кажущуюся религиозную узость (идея богоизбранности Руси — русского народа как единственного хранящего чистоту православия, Руси, которая пребудет истинным центром христианства до скончания веков), она универсальна в своей исторической значимости. Эта универсальность не зависит от научных изысков и кажущихся бесспорными фундаментальных доказательств. Напротив, она будет и впредь варьировать в научном осознании и в публицистических толкованиях, особенно в эпоху переосмысления общественных ценностей.

Настоящая работа представляет собой попытку осмысления в рамках идееобразующей концепции Третьего Рима российской официальной символики, усиленной в последней четверти XVIII—XIX в. монархически-религиозной атрибутикой. Автор исходит из того факта, что вышеназванная теория никогда не была государственной в официальном смысле этого слова. Однако и российские монархи, и общественные деятели обращались к ней, модифицируя в нужном (чаще всего политическом) ракурсе на протяжении столетий и вплоть до сегодняшнего дня.

В настоящее время она «пущена в обиход» радателями возвеличивания русского патриотического духа: «...Россия может — и должна — вспомнить свой исконный уклад, взглядевшись в собственный незамутненный лик. И твердо понять, что только ей под силу вновь сделаться Третьим Римом и что четвертому Риму не бывать»⁴. Задействована она и в новом национал-большевизме, названа в числе его глобальных «утверждений» («древняя традиция, национальная культура, возврат к идеалам и ценностям древней русской доктрины “Москва — Третий Рим”»⁵).

Как составная часть, о чем можно судить по последним публикациям в прессе, она входит в трактовку заявленной се-

годня властями «русской национальной идеи», ставшей одной из центральных тем отечественной публицистики. Многие отождествляют ее с имперской идеей, другие рассматривают в культурно-социальном аспекте ⁶, третьи включают в религиозно-философский контекст ⁷.

Современные споры о русской идее мало чем отличаются от споров столетней давности. Так же как и в современных философских построениях, в контекст русской идеи вплеталась формула «Москва — Третий Рим», в частности в виде «византизма» К. Н. Леонтьева, Ф. И. Тютчева, судеб Константинополя Ф. М. Достоевского, Н. Я. Данилевского и др. «Византийский дух, Византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь Великорусский общественный организм» ⁸, — писал Леонтьев. Однако тот же Леонтьев в «византизме» вполне четко просматривает монархическую основу: «С какой бы стороны мы ни взглянули на Великорусскую жизнь и государство, мы увидим, что Византизм, т. е. церковь и царь, прямо или косвенно, но во всяком случае глубоко, проникают в самые недра нашего общественного организма» ⁹. Аналогичную позицию наблюдаем позднее у Н. А. Бердяева, который полагал, что неизбежно русское религиозное призвание связывается с силой и величием русского государства, русского царя ¹⁰, и у других авторов начала XX в., обращавшихся к концепции Третьего Рима ¹¹.

Россия, как показали философы русского послеоктябрьского зарубежья Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Г. П. Федотов и др., не только не осуществила свое «религиозное призвание быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия, но и вошла в эпоху кризиса веры» ¹².

«Духовный провал идеи Москвы как Третьего Рима», о котором писал Н. А. Бердяев, таким образом, способствовал (сам в то же время являясь следствием) формированию властных идей, политических доктрин, основанных на приоритете и абсолютной законности самодержавной власти.

«Царизм наш, — пишет К. Леонтьев, — столь для нас плодотворный и спасительный, окреп под влиянием Православия, под влиянием Византийских идей, Византийской культуры» ¹³. И тут же абсолютно справедливо выдвигает следующее положение, детализированное советскими историками: «Даже все почти большие бунты наши никогда не имели ни протестантского, ни либерально-демократического характе-

ра, а носили на себе своеобразную печать лжелегитимизма, т. е. того же родового и религиозного монархического начала, которое создало все наше государственное величие. Бунт Стеньки Разина не устоял, как только его люди убедились, что Государь не согласен с их атаманом... Пугачев был умнее, чтобы бороться против правительства Екатерины... он обманул народ, он воспользовался легитимизмом великорусским...»¹⁴. Действительно, Пугачев во многих указах повторяет мысль: «Точно верьте: в начале Бог, а потом на земле я сам, властительный ваш государь»¹⁵.

До нас дошли атрибуты делопроизводства восставших пугачевцев. Это печати — первые в России памятники подобного рода, составляющие «продукцию» восставшего народа¹⁶. В отличие от альтернативных правительственным эмблемам и гербам знаков восставших крестьян в Западной Европе, уже в XV—XVI вв. использовавших вполне самобытную символику вплоть до написания слова «свобода» на знамени¹⁷, символы и знаки Пугачева, именовавшего себя Петром III, выдержаны в сугубо монархических принципах. Для Пугачева были вырезаны несколько печатей с двуглавым российским орлом, однако наиболее значимой являлась та, оттиск которой несет погрудное изображение Петра III в военном мундире с орденской лентой через плечо, идентичное изображению на серебряных монетах — рублевиках. Легенда также напоминает монетную, однако содержание ее вполне определенное, отличающееся от монетной надписи: «ПЕТРА:III:Б:М:ИМПЕРАТОРА:КАРУНА» («Петра III Божьей милостью императора корона», корона — королевство, правительство, государство). Претенциозное изображение и легенда свидетельствовали, что печать была не столько элементом делопроизводства, сколько обязательным «государственным» атрибутом, показывающим, что Пугачев — Петр III обладает реальной государственной властью.

В отечественной исторической литературе бытует вполне устоявшееся мнение: Пугачевский бунт с осязательными попытками его предводителя занять место императора Петра Федоровича настолько испугал Екатерину II, что она резко усилила централизацию управления государством. Правительственный указ от 7 ноября 1775 г., озаглавленный «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», ввел новое, более компактное административное деление России и создал наряду с губернскими и уездными городские

органы управления. Реформа продолжалась 10 лет и завершилась опубликованием в 1785 г. Жалованных грамот дворянству, а также городам. В ходе реформы в массовом и обязательном порядке в России вводились городские гербы.

В виде внешнего оформления третьего сословия в европейских государствах городской герб в это время уже не выступал, к гербам во многих странах относились как к анахронизму, а через несколько лет во Франции был принят закон, по которому владельцы гербов даже подвергались штрафу¹⁸. Почему же просвещенная правительница России пошла на этот шаг?

Синхронность внедрения городского символа и действий, направленных на укрепление существующего общественно-политического строя, усиление диктатуры дворянства на местах, когда фактически власть в городе передавалась представителям дворянства, но не горожан («новые действительно городские учреждения получили по Городовому положению 1785 г. очень и очень скромную долю самостоятельности»¹⁹), позволяют охарактеризовать действия российского правительства по введению городских гербов как организованный в масштабах государства камуфляж, прикрывающий абсолютистско-дворянскую сущность провозглашенного Екатериной II городского самоуправления. Ибо в том, как создавался в России в 1775—1785 гг. институт городского герба (массовость законодательных актов, подчеркивание необходимости оформления уже существовавшего герба, например в прибалтийских городах, особым пожалованием Екатерины; изготовление каждому городу жалованной грамоты с красочным гербом, обязательность городских печатей с соответствующим символом и т. д.), заметен внешний эффект, нарочитость, помпезность. Кроме того, Екатерина показала себя еще и продолжательницей петровских — не свершенных им — идей: введения городского самоуправления, изображения городских гербов на печатях городских судебных мест и городских знаменах; таким образом, она как бы возродила извечные государственные идеи.

Одновременно она воплотила (тоже как камуфляж) еще одну старую идею — «греческий проект», целью которого было якобы восстановление «древней Греческой империи» с центром в Константинополе, а внук императрицы Константин «предназначался» в правители этой «Греческой империи». Эллинофильство в 80-е гг. XVIII в. насаждалось в России: при

дворе возникла мода на все греческое — имена, язык, костюмы, спектакли; город Екатеринослав предполагалось построить по типу Афин, как центр наук и искусств, со зданиями в классическом стиле; в России открывались греческие училища и т. д. В одном из них — Греческом корпусе — обучался отец Ф. И. Тютчева, впоследствии одного из самых ярких идеологов «Великой Греко-Российской Восточной Державы»²⁰. Все это наблюдалось в период, когда Екатерина II решала вопрос о присоединении к России Крыма²¹.

Но вернемся к городским гербам. При их художественном воплощении был сделан акцент на символику, отражающую официальную идеологию Российской империи. Непосредственным их «производством» занималась Герольдмейстерская контора, или Герольдия. Во главе ее с начала 70-х гг. XVIII в. стоял русский историк, автор «Истории России с древнейших времен», известный защитник монархии и дворянских привилегий М. М. Щербатов.

Прекрасно уловивший смысл городского законодательства Екатерины II, он постарался в городской эмблеме отобразить идею господства над городом верховной власти, идею милости императрицы, по воле которой город получал якобы самоуправление. В герб он часто вводит фигуру, являющуюся символом царского самодержавия. Например, такую, как в гербе города Вытегры: основной геральдической фигурой здесь является «златый императорский скиптр, прямостоящий, с оком провидения». А символизирует эмблема «надежду, каковую пользу от учреждения сего города может империя Российская приобрести и купно (одновременно. — *Н. С.*) милость и провидение монаршее»²².

Аналогичную символику имеют в большинстве своем эмблемы, составленные лично Щербатовым для полковых знамен. Некоторые из них затем превратились в городские гербы. Рисунок включает почти обязательное изображение «возникающего» (так в геральдике называется фигура, соприкасающаяся с одной из сторон гербового щита, но видная лишь наполовину) двуглавого российского орла²³.

Преемники князя М. М. Щербатова на посту герольдмейстера продолжали использовать государственный герб во многих городских эмблемах, особенно в гербах западных окраин России. Например, в гербах белорусских городов, несмотря на то что белорусский генерал-губернатор З. Г. Чернышев при-

слал рисунки гербов городов, ранее входивших в состав Речи Посполитой, помещалось в верхней части гербового щита погрудное изображение двуглавого орла «в знак того, что сие наместничество присоединено к империи Российской». В гербах городов Минского, Волынского, Брацлавского, Подольского наместничеств государственный герб — двуглавый орел изображался целиком, а на груди у него помещался герб города.

Создатели в России городских гербов в конце XVIII в. «изобрели» особую форму городского герба: в верхней части гербового щита рисовался герб наместничества (губернии), а в нижней — собственно городской. При подобной композиции главной становилась эмблема наместнического герба, а символ самого города играл подчиненную роль, занимая в гербовом щите второстепенное место. Если, предположим, в городском гербе изображался какой-то нейтральный символ (предмет флоры, фауны, предмет производства), то в наместническом гербе (верхнее поле), как правило, изображались корона, держава, скипетр, княжеская шапка, трон, знамя с государственным орлом, а то и сам двуглавый орел. Знаки верховной власти дополнялись церковными символами: благословляющей рукой, крестом, святым.

Таким образом, в российской городской символике сделан сильный акцент на пропаганду официальной идеологии. В то же время своеобразная конструкция российского городского герба визуально воплощала суть правительственной политики по отношению к городу: город (это показано при помощи подчиненности, вторичности городского герба) имеет самостоятельность (самоуправление) по монаршему благоволению (символ верховной власти над городским гербом). Во внешней форме герба города нашла отражение и политика правительства по урегулированию административно-территориального устройства России. Форма герба (вверху — наместнический (губернский), основной, внизу — городской, подчиненный) соответствовала реальной структуре административного деления, состоявшегося в России. Позднее, в XIX в. форму герба еще более усовершенствовали. При помощи таких элементов, как короны разного вида, обрамление гербового щита, можно было по гербу судить о значимости города в государстве, количестве населения, характере экономического развития. В XIX в. городские гербы вошли в систему знаков, функционирующих в государстве. Герб уже не «обслуживал»

какой-то определенный территориальный пункт, а превратился в один из многочисленных элементов, из которых вырастала вся система разработанных царским правительством мер по укреплению его идейных позиций.

Здесь можно вспомнить Н. А. Бердяева, писавшего: «Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики, русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие»²⁴.

Как ответ на ослабление идеи абсолютистской власти под влиянием Французской революции русское правительство предприняло ряд мер, направленных на ее укрепление в собственном государстве. В связи с этим следует рассматривать ряд идеологических мероприятий, осуществленных Павлом I. К их числу относится установление незыблемости наследования только по мужской линии, действия по обожествлению царской власти, сопровождавшиеся ее восхвалением и прославлением. Отсюда — эффектные зрелища увенчанного коронной императора, принимающего военный парад, помпезность ритуалов, сопровождавших появление царя перед подданными. Павел первым из всех монархов венчался на царство вместе с супругой. Он задумал и осуществил (правда, только на бумаге) новый, более помпезный государственный герб.

Можно упомянуть еще об одном распоряжении Павла I, касающемся регулирования атрибутики, иерархии членов императорского Дома. Это «Учреждение об императорской фамилии», глава «О титулах, местах, гербах и либерее, принадлежащих рожденным от императорской крови», в котором тщательно, по пунктам было расписано, кто из членов императорской фамилии может иметь тот или иной герб с теми или иными эмблемами²⁵. Впоследствии начинание Павла I было воплощено в специальном законодательстве второй половины XIX в. — «О гербах членов императорского Дома».

Эпоха либерального Александра I не ознаменовалась сколько-нибудь заметным изменением российской государственной символики. При нем, правда, российский двуглавый

орел изменил свою конфигурацию: он воспроизводился в господствовавшем в то время стиле ампир, крылья орла распростерты, опущены. «Сия малость не осталась без последствий; были недовольные сим, как бы некою приметой, что Россия уже не возвышается, а опускает крылья. Это предрассудок, но не излишня предосторожность и против предрассудков, которые возбуждаясь, производят расстройство в мыслях народа»²⁶, — писал московский митрополит Филарет.

Александр I утвердил «правильную» кокарду (черно-желтую), соединив ее с «древнею Петра Великого, которая соответствует белому, или серебряному, всаднику (св. Георгию) в Московском гербе»²⁷.

В значительной мере на укрепление монархической атрибутики повлияли труды историков XIX в., в частности Н. М. Карамзина, духовное воздействие которого на российское общество и на утверждение «охранительских» воззрений было велико. Ум, интеллигентность, тонкость, высокий интеллект, гуманистические, просветительские, даже либеральные воззрения, которые характеризуют Карамзина как человека²⁸, соседствуют в нем с убежденностью монархиста²⁹. Особенно его испугал 1793 г.; якобинская диктатура, страх перед «бунтом» пересилил прежний либерализм. Карамзин погружается в российскую историю. На первый план выступает теперь ультрапатриотизм, а любовь к России выглядит как безоговорочное принятие прежних и существующих порядков. В результате вывод: самодержавие есть единственный «палладиум» России³⁰.

Его слушали, внимали его историко-патриотическим идеям при чтении «Истории государства Российского» такие же умные, тонкие, образованные люди: С. С. Уваров, В. А. Жуковский, Д. Н. Блудов и др.³¹. Через несколько лет один из них станет родоначальником идеологизированной «теории официальной народности (Православие, Самодержавие, Народность)», другой создаст слова гимна, прославляющего самодержца, третий будет разрабатывать «Уложение о наказаниях». Апологетика самодержавия Карамзина, подкрепленная «научным и художественным талантом», явилась первоосновой многих последующих охранительско-патриотических концепций в русском обществе, многое из того, что «художественно» описал Карамзин, принималось за неоспоримые факты.

При написании фундаментального исторического труда Н. М. Карамзин подверг критике своих предшественников, в частности В. Н. Татищева. Он обвинил последнего в том, что историк выдумывал многие события, ссылаясь на не существующие в действительности источники³². Одним из таких фактов могло быть известие, приводимое Татищевым, в котором речь шла о появлении эмблем, составивших российский государственный герб: «...Иоанн Великий, по наследию своея княгини Софии, принцессы греческой, принял за государственный герб орел пластаной, с опущенными крыльями и двемя коронами над главами...»³³.

Хотя сведения Татищева легендарны (без ссылки на источник), Карамзин охотно воспользовался ими. «Колумб русской истории» поддержал предположение Татищева о принятии Иваном III византийского герба и соединении его на печати с московским («Великий князь начал употреблять сей герб с 1497 г.»³⁴).

Карамзинская интерпретация версии В. Н. Татищева о происхождении российского государственного герба оказалась принятой русским обществом настолько, что превратилась в своего рода политическую доктрину, и в 1897 г. даже отмечалось 400-летие государственного герба в империи (по печати 1497 г.), так же, впрочем, как и 100 лет спустя отмечалось его 500-летие в новой, демократической России.

В этой доктрине нашлось место и всаднику, поражающему копьём дракона (с XVIII в. — Георгию Победоносцу). На основании трудов известного москвоведа И. М. Снегирева высказывали прямо-таки фантастические идеи и к «подаркам» Софьи Палеолог относили теперь не только двуглавого орла, но и всадника, поражающего копьём дракона. На протяжении целого столетия в отечественной историографии принималась версия Снегирева³⁵, который видел в каменном резном изображении Петропавловского придела Успенского собора Московского Кремля Константина Великого, побеждающего копьём язычество и освобождающего Церковь или Рим. На эту мысль его натолкнула латинская надпись над головой всадника, содержание которой Снегирев соотнес с прославлением деяний Константина на Триумфальной арке в Риме. В результате он высказал суждение: барельеф римский, датируется IV в., а привезла его в Москву Софья Фоминишна. Известная концепция «Москва — Третий Рим» хорошо увязывалась с

этим мифом, находившим одобрение даже в ученом мире, пока в начале XX в. известный искусствовед Я. И. Смирнов не доказал, что «Устюжский рельеф» изображает святого Георгия, сделан мастерами Великого Устюга и служил в качестве иконы на Русском Севере в XVI—XVII вв.³⁶

Исторический труд Карамзина, а также менее заметные труды его последователей, несомненно, укрепляли официальную идеологию. Не случайно о ценности подобных трудов Н. М. Карамзин писал: «Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей»³⁷.

В царствование Николая I вместе с упрочением «охранительных» теорий начинается изменение государственной символики в том же направлении. Согласно правительственному указу 1832 г. создавалась новая композиция, украшающая поднятые вверх крылья двуглавого орла. Николай I был инициатором создания гимна России. В. А. Жуковский и А. Ф. Львов сочинили «Боже, царя храни!». Назывался гимн, славящий самодержца, «Народная русская песнь». Однако название шестистрочного стиха, где ни одной строчки не было о народе, являло собой «народность», о чем мечтал Уваров и другие глоссаторы идеи официальной народности, под которой подразумевалось единение царя и подданных.

Николай Павлович чрезвычайно большое внимание уделял созданию официальной атрибутики и гербов. В 1848 г. по его распоряжению существующая в довольно жалком виде Герольдия преобразовалась в учреждение более высокого ранга — департамент Сената. В 1851 г. царь дал указание «принять на будущее время за правило на гербах губерний, областей и губернских городов, как впредь будут представлены на высочайшее утверждение, изображать всегда императорскую корону...»³⁸.

Настроение царя и его замыслы по преобразованию не только гимна, но и другой атрибутики — государственного герба, например, — чутко улавливались в придворных кругах. Однако трудно было найти человека, сведущего в символике. В конце концов такой человек объявился в Эрмитаже: Бернгард Кёне. Он был известен в Европе как ученый-нумизмат, теперь стал «ученым геральдикой». При покровительстве и поддержке обер-гофмаршала графа Шувалова и министра императорского двора графа Адлерберга он занял должность управляю-

щего Гербовым отделением Департамента герольдии Сената. Как когда-то при Петре I граф Франциск Санти по царскому указу организовал российскую геральдическую службу, занимаясь в первую очередь государственным гербом, так и Б. (Борис Васильевич) Кёне, как и Санти, не говорящий по-русски, выполнил волю российского императора, преобразовав государственную атрибутику Российской империи. Создавая целый комплекс гербов — большой, средний и малый государственные, аналогичные печати, личные гербы членов императорской фамилии, до этого никогда таковых не имевших, Кёне ориентировался на вкусы монархов, на их пристрастие к помпезности, на общепринятые в европейской монархической геральдике нормы и правила. Однако не случайно во всей этой нероссийской геральдической пышности заметны следы заданности: использование русских средневековых эмблем и символов — шлем Александра Невского, щитодержатели в виде фигур архангелов, над гербовыми щитами царств — мифические, в большинстве случаев «старые» короны.

Российская общественность была подготовлена к восприятию столь глобальных «геральдических свершений», ибо в 1854—1855 гг. впервые появилось отечественное сочинение о гербах — книга А. Б. Лакиера «Русская геральдика». Автор — зять П. А. Плетнева, издателя «Современника», друга Пушкина и Жуковского, ректора Санкт-Петербургского университета — был тесно связан как с правительственными, так и с научными кругами. Общая историческая концепция его книги, сразу же ставшей библиографической редкостью и получившей самые благожелательные отзывы иностранных ученых (в частности, чешского просветителя В. Ганки), вполне соответствовала уровню развития русской официальной исторической науки середины XIX в. Это наложило отпечаток на постановку вопроса о возникновении гербов в России, стремление доказать их наличие здесь с глубокой древности, поиск «русскости» в любом символе, любом геральдическом изображении. Лакиер явился автором до сих пор повторяемой в отечественных изданиях версии о причинах двуглавости российского орла: «Око государя было обращено на Восток и на Запад, а распоряжения обеими странами исходили из одного источника»³⁹.

Сотворенные «самозванным геральдистом» (так называли Б. Кёне многие ученые-современники) необыкновенно претенциозные гербы были одобрены русским монархом Александром

ром И, и 11 апреля 1857 г. подробное описание Государственного герба (большого, среднего, малого), Государственной печати (соответственно) и гербов членов императорского Дома было опубликовано⁴⁰. Одновременно с описанием публиковались и рисунки гербов. Большой Государственный герб, кроме орла и всадника, дополнялся многими атрибутами. Это были сень (мантия), щитодержатели, государственная хоругвь. Главный щит с двуглавым черным орлом, несущим на груди Георгия Победоносца, повернутого в нетрадиционную для русского глаза левую сторону, был увенчан шлемом святого великого князя Александра Невского. Вокруг щита располагалась цепь ордена Святого апостола Андрея Первозванного, с обеих сторон его поддерживали архистратиг Михаил и архангел Гавриил. Сень золотая, коронованная императорскою короной, усеянная российскими двуглавыми орлами, подложена горностаем. На ней червлёная надпись: «С нами Бог!». Вокруг главного щита располагались щиты с гербами царств и великих княжеств, входивших в Российскую империю. Щиты увенчивались как бы подлинными, но не существующими в действительности коронами. Обрамление из дубовых и лавровых ветвей и лент придавало этому самодержавно-православному рисунку необыкновенную помпезность. В большом государственном гербе впервые появился и герб рода Романовых, никогда ранее не фигурировавший. В основу этого герба была положена эмблема с прапора предка царствующих особ — двоюродного брата царя Михаила Федоровича Романова, воеводы Никиты Ивановича Романова. К 300-летию Дома Романовых российские ученые-генеалоги преподнесли царю более древнюю версию родового герба: данная эмблема «усвоена» боярином и воеводой Никитой Романовичем Захарьиным-Юрьевым, одним из родоначальников Романовых, в качестве личной — «в воспоминание его лифляндских походов», и в частности взятия им Пернова (Пярну) в 1575 г.⁴¹

В течение XIX в. и в начале XX в. российские монархи неоднократно обращались к государственным эмблемам: цветам флагов, кокард. Александр II 11 июня 1856 г. утвердил рисунок и расположение «гербовых цветов на знаменах, флагах и других предметах, употребляемых для украшений при торжественных случаях». Цвета флага были связаны «с палеологовским орлом и армейскими кокардами». Флаг Российской

империи устанавливался, таким образом, в черно-желто-белых цветах.

Император Александр III с некоторыми художественными добавлениями утвердил большой Государственный герб в 1882 г., средний и малый — в 1883 г.⁴²

В контексте «охранительной» политики самодержавия монархической символике придавался исключительно общероссийский, народный смысл. «Клич России! ...Боже, Царя храни! Этот клич останется навсегда призывным кликом России на путь к совершенству и славе!»⁴³ — захлебывалась от восторга пресса по поводу российского гимна. Дифирамбы пели и гербу, подчеркивалось, что «Российский герб все в больших и больших случаях, предметах и видах стал проявляться как символическое знамя всего Русского, как эмблема всего государства Русского, во всем его пространстве, со всеми гражданами от Самодержавного Царя до последнего простолюдина»⁴⁴. В то же время не забывали и о легендарных истоках российского орла, восходящего якобы к черному орлу Палеологов. Таким образом, феномен символики Российской империи как бы воссоединялся с концепцией Третьего Рима, которая в конце XIX — начале XX в. становится все более многофункциональной.

Преувеличенное внимание сегодняшнего общества к официальной атрибутике Российской империи, к старым формам городских гербов в свете вышесказанного об истории их создания и идеологической значимости могло бы вызвать недоумение. Однако одновременно происходит обращение к извечной русской доктрине «Москва — Третий Рим». И в этой одновременности содержится своеобразное подтверждение их взаимозависимости.

Примечания

Опубл.: Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 195—210.

¹ Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки средневековой концепции. М., 1998.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 329.

⁴ Иванов А. Б. Третий Рим. М., 1996. С. 126.

⁵ Дугин А. Альтернатива. О новом в национал-большевистском порядке // Завтра. 1998. Февраль. № 8 (221).

- ⁶ Русская идея. Тезисы к VI Ежегодной конференции кафедры философии РАН. М., 1992. С. 9.
- ⁷ Аксючиц В. Бог и Отечество — формула русской идеи // Москва. 1993. № 1. С. 126.
- ⁸ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М., 1876. С. 24.
- ⁹ Там же. С. 29.
- ¹⁰ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
- ¹¹ Кириллов И. Третий Рим. М., 1914. С. 30.
- ¹² Русская идея. Тезисы... С. 57.
- ¹³ Леонтьев К. Н. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁴ Там же. С. 24.
- ¹⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975. С. 26.
- ¹⁶ Соболева Н. А. Пугачевские печати // ВИ. 1977. № 8. С. 211—215.
- ¹⁷ Bertényi Ivan. Einige Fragen der Heraldik der antifeudalen Bauernbewegungen // Ostmitteleuropäische Bauernbewegungen. Budapest, 1972. S. 78—79.
- ¹⁸ Mathieu R. Le système héraldique français. Paris, 1946. P. 244.
- ¹⁹ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России, СПб., 1875. Т. 1. С. 453.
- ²⁰ Литературное наследство. М., 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 194.
- ²¹ Маркова О. П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е гг. XVIII в.) // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. М., 1986. С. 15—29.
- ²² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Госархив. Разряд XVI. Оп. 1. Д. 803. Л. 4—5.
- ²³ Там же. Госархив. Разряд XX. Оп. 1. Д. 269.
- ²⁴ Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея. М., 1992. С. 299.
- ²⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17906.
- ²⁶ Цит. по кн.: Белавенец П. И. Изменение российского государственного герба в императорский период // Вестник императорского общества ревнителей истории. Пг., 1915. Вып. II. С. 64.
- ²⁷ ПСЗ. Собрание второе. Т. XXXIII. Отд. 2. № 33289.
- ²⁸ Сахаров А. Н. Бессмертный историограф: Николай Михайлович Карамзин // Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 76—123.
- ²⁹ Там же. С. 103.

³⁰ Орлов Вл. Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953. С. 376.

³¹ Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 87.

³² Юхт А. И. Поборник новой России: Василий Никитич Татищев // Историки России. С. 21.

³³ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 269.

³⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. VI. Гл. И. Примеч. 98.

³⁵ Снегирев И. М. Объяснение латинской надписи на древнем барельефе в московском Успенском соборе // Ученые записки императорского Московского университета. М., 1833. Ч. 2; Он же. Римский барельеф, известный под именем образа св. Георгия в московском Успенском соборе // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850. Т. II. Отд. 2.

³⁶ Смирнов Я. И. Устюжское изваяние святого Георгия московского Большого Успенского собора. М., 1915.

³⁷ Карамзин Н. М. Указ. соч. М., 1988. Кн. I. Т. I. С. IX.

³⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 129. Л. 1—1 об.

³⁹ Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 141.

⁴⁰ ПСЗ. Собрание второе. СПб., 1858. Т. XXXII. № 31720.

⁴¹ Таубе М. А. Из истории герба Дома Романовых (догадка о происхождении романовского грифа) // Гербовед. 1913. Июль. С. 109—113.

⁴² ПСЗ. Собрание третье. СПб., 1886. Т. II. № 1035, 1159; Т. III. № 1402.

⁴³ Цит. по кн.: Соболева Н. А., Артамонов В. А. Символы России. М., 1993. С. 171.

⁴⁴ Воронец Е. Н. Четырехсотлетие российского государственного герба. Харьков, 1898. С. 38.